

Седьмая глава
ПУШКИН И ШАТОБРИАН

Шатобриан приходит в книжную лавку с продажной рукописью,
но неподкупной совестью.

Пушкин
О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»

Проблема «Пушкин и Шатобриан» изучена основательно, но недостаточно. Вряд ли есть другой французский писатель, восприятие которого Пушкиным составило бы столь прихотливый рисунок, а само изучение творческой связи с которым оказалось бы столь драматичным. Поскольку оба писателя в своем идейном развитии претерпели сложную эволюцию, а отношение поэта к французскому в конце жизни решительно изменилось, всеобъемлющая оценка пушкинского шатобрианства должна была бы объективно учитывать все составляющие сложной проблемы. Однако до сих пор в описании этой творческой связи ученые, как правило, акцентировали либо приоритет двадцатых годов, либо — тридцатых, что искажало целостную картину.

В библиотеке Пушкина хранилось 26-томное брюссельское издание Шатобриана (1826–1832), все тома с художественными произведениями разрезаны. У Пушкина 17 упоминаний о Шатобриане (кроме посвященной ему статьи), 6 — в художественных произведениях, 5 — в публицистических, 2 — в письмах, 2 — в комментариях, имеются также 2 цитаты. В *Евгении Онегине* французский писатель упоминается в связи с кругом чтения героев («Любви нас не природа учит, А Сталь или Шатобриан», VI, 546; «Она влюблялась в обманы Шатобриана и Руссо», VI, 568; «Он иногда читает Оле // Нравоучительный роман // Где скромный Автор [думал боле] // О нравах [чем Шатобриан]», VI, 362). Здесь находится также перефразированная цитата из Шатобриана — «Привычка свыше нам дана, Замена счастию она», — вскрытая самим Пушкиным в примечаниях: «Si j'avais la folie de croire encore au bonheur, je le chercherais dans l'habitude (Шатобриан, VI, 193)»¹. Другая цитата из *Рене* приводится по памяти в письме к Кривцову от 10/II 1831 г.: «Il n'est de bonheur que dans les voies communes» (V, 192²). Она же приведена в *Рославлеве* (VIII, 154). *Рене* указан Пушкиным среди романов, герои которых сродни Онегину.

Интерес к теме «Пушкин и Шатобриан» возник уже в XIX в. (Н. П. Дашкевич, Алексей Н. Веселовский, Н. А. Котляревский и др.). С начала XX в. она не-

ожиданно стала основой, вокруг которой развернулась полемика о сущности категории *вливание*. Дискуссия завязалась вокруг поэм *Кавказский пленник* и *Цыганы*, которые ученые генетически связывали с повестями Шатобриана *Атала* и *Рене*. В. В. Сиповский попытался доказать, что влияние Шатобриана на автора *Кавказского пленника* было значительней, чем воздействие Байрона. С решительным опровержением такого взгляда выступил А. Л. Бем (*К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина*, 1914). В этой работе А. Л. Бем, фактически, заложил основы научной компаративистики в русском литературоведении. Хотя он подверг решительной критике концепцию В. В. Сиповского, он в то же время высоко оценил его заслуги: «Первым с научной стороны подошел к этому вопросу В. В. Сиповский в своей работе *Пушкин, Байрон и Шатобриан*, вошедшей в его книгу *Пушкин. Жизнь и творчество*. СПб, 1907»¹. Однако, по его мнению, тот занизил роль английского поэта и допустил ряд методологических ошибок. Сопоставительный анализ *Кавказского пленника* и *Атала* доказывает, с точки зрения Бема, что на всех уровнях (идейном, сюжетном, структуры образов) воздействие Шатобриана на Пушкина незначительно: «...не будь Байрона — литературное наследие Пушкина было бы иным <...>, не будь Шатобриана — наследие Пушкина осталось бы тем же»².

Утверждения Бема страдали некоторой прямолинейностью (образ «разочарованного эгоцентриста» все же вел происхождение от Рене, а не от Чайльд-Гарольда). Но в главном он был прав: для автора *Кавказского пленника* Байрон как художник и мыслитель был, действительно, ближе, чем Шатобриан. Поскольку дискуссия завязалась вокруг южных поэм, эволюция отношения Пушкина к Шатобриану в тридцатые годы Бема занимала мало³.

¹ Бем А. Л. К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина // Пушкин и его современники. СПб., 1911. Вып. XV. С. 148.

² Там же. С. 163.

³ Заметим, что работа Бема не потеряла методологической ценности по сей день, в ней предвосхищались многие достижения современной компаративистики. Так как имя Бема оказалось незаслуженно забытым, окруженным завесой молчания (о Беме не упоминают даже авторы работ о пушкинском шатобрианстве — Б. В. Томашевский, М. И. Гиллельсон, В. А. Мильчина), хотелось бы о нем напомнить. Альфред Людвигович Бем (в крещении Алексей, 1886–1945), закончив историко-филологический факультет Петербургского университета, примкнул к пушкинскому семинару С. А. Венгерова, работал с 1910 г. над изданием рукописей Л. Н. Толстого, редактировал толстовскую библиографию и сборники *Толстой. Памятники творчества и жизни* (1917–1920). Он — соавтор и соредатор пяти выпусков монументальной серии библиографий *Обозрение трудов по славяноведению* (1912–1919). Во время Гражданской войны эмигрировал, осел в Праге, преподавал в Карловом университете. С 1931 по 1939 г. его многочисленные эссе, заметки, полемические статьи выходят под общей рубрикой *Письма о литературе*. При вхождении советских войск в Прагу он был арестован, и никаких сведений о нем больше не появлялось. В 1996 г. в Праге, в знак благодарной памяти, чехи издали на русском языке книгу его работ *Письма о литературе*

¹ *Chateaubriand F.-R. Rene* // Constant. Chateaubriand. Musset. М., 1973. P. 47.

² *Ibid.* P. 68.

В течение последующих 65 лет в советском пушкиноведении специальных исследований на тему «Пушкин и Шатобриан» не появлялось. Только Б. В. Томашевский в статье *Пушкин и французская литература* (1937) посвятил две страницы краткому обзору проблемы, а В. Л. Комарович в статье *К вопросу о жанре «Путешествия в Арзрум»* (1937) обнаружил ряд параллелей, указывающих на пародирование Пушкиным *Итинерария* Шатобриана (*Itinéraire de Paris à Jérusalem* — 1818) и высказал гипотезу о роли шатобриановского путевого очерка как жанрового прототипа для *Путешествия в Арзрум*¹.

С конца 40-х по конец 50-х гг., в связи с общим отношением в советском литературоведении к компаративизму, изучение европейских связей Пушкина почти прекратилось. Шатобриану, условно говоря, «не повезло» больше других французских писателей: он числился среди так называемых «реакционных романтиков», поэтому над изучением творческой связи с ним поэта тяготело как бы *двойное табу*. Но с начала 60-х гг. ситуация стала меняться к лучшему; доказательство тому — книга Б. В. Томашевского *Пушкин и Франция* (1960). Оказалось возможным включить в нее три страницы, посвященные Шатобриану. Выделив большинство пушкинских упоминаний Шатобриана, наметив основные этапы отношения поэта к французскому писателю, ученый подытожил обзор: «Шатобриан обладал в глазах Пушкина особым обаянием старшинства»². Однако исследователь вынужден был дважды прибегнуть к «фигуре умолчания»: почти ничего нет о дискуссии Сиповский — Бем (одна краткая сноска) и о духовных поисках Пушкина тридцатых годов.

И снова, как в начале XX в., последовал полемический ответ, но как бы с обратным знаком. На этот раз свое несогласие выразил американский ученый Симон Карлинский и как раз по поводу этих двух лакун. В статье *Pushkin, Chateaubriand, and the Romantic Pose* (1963) он, фактически, продолжил полемику Бема с Сиповским, выступив решительно на стороне последнего. В статье, посвященной проблеме, исследователь снова поднял вопрос: кто *первый* — Байрон или Шатобриан — ввел в европейскую литературу так называемую «романтическую позу». Карлинский привлекает новый материал, использует мнение самого Шатобриана из *Замогильных записок*, цитирует письма к французскому князю П. Б. Козловского и П. А. Вяземского и убедительно аргументирует: *первым* был Шатобриан. Однако эта оценка еще отнюдь не доказывала преимущественное воздействие Шатобриана на Пушкина времен южной ссылки. Карлинского не интересуют политические и эстетические пристрастия молодого Пушкина. Характерный пример: он просто сбрасывает со счета неприемлемость для Пушкина французского вторжения в 1823 г. в Испанию, главным вдохновителем которого

был Шатобриан. Известно, с каким сочувствием поэт следил за ходом испанской революции. Вспомним, что с именем лидера либералов, противником вторжения в Испанию, Манюэля, в строфе о «важном споре», который умел вести Онегин, Пушкин расстался трудней всего «О Байроне, о Манюэле, О карбонарах, о Парни, О генерале Жомини» (VI, 545); оно оставлено во всех промежуточных редакциях и опущено лишь в последней стадии работы над 5 строфой первой главы. В марте 1823 г. в Палате между Манюэлем и Шатобрианом, тогдашним министром иностранных дел, пять дней шли бурные прения — вводить ли войска в Испанию. Манюэль был лишен звания депутата и силой выведен из Палаты. Карлинский не затрагивает эпизода с Манюэлем, зато он детально анализирует религиозные взгляды Пушкина в заключительный период¹.

С середины 1980-х гг. стало возможным объективно исследовать духовную эволюцию Пушкина в тридцатые годы. В появившихся многочисленных работах на тему «Пушкин и религия», затрагивающих проблему переоценки поэтом французского вольнодумного XVIII в., нередко предлагается новая концепция его шатобрианства (Б. А. Васильев. *Духовный путь Пушкина*, 1976; В. Непомнящий. *Поэзия и судьба*, 1987; Ирина Сура. *Жизнь и лира*, 1995; Георгий Лескис. *Религия и нравственность в творчестве позднего Пушкина*, 1992 и др.). Однако как ранее мало останавливались на 30-х гг., так теперь почти не замечают 20-х.

Здесь возникает проблема сопоставления Шатобриана с Вольтером. По мнению многих упомянутых исследователей, в 1830-е годы Пушкин пересматривает концепцию просветительской идеологии и, в частности, Вольтера, к которому он якобы начинает относиться сугубо негативно. Подобная прямолинейность, думается, столь же несостоятельна, как прежняя, советская. Пушкинское отношение к Вольтеру во многом меняется, но он остается для поэта «титаном», «великим человеком» (см. с. 38–39 настоящей книги).

Такая позиция, однако, не мешала позитивной переоценке Пушкиным творчества Шатобриана. Ей посвящены последние работы, касающиеся незавершенной статьи Пушкина *О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»*, опубликованной посмертно в пятом номере «Современника» (1837). Как известно, Шатобриан предпослал своему переводу Мильтона двухтомный *Опыт об английской литературе* (1836), который, по-видимому, не без помощи А. И. Тургенева, в том же году попал к Пушкину и живо его заинтересовал: оба тома разрезаны, во втором томе есть закладка, и Пушкин перевел из первого тома несколько фрагментов. Когда статья публиковалась в «Современнике», перевод Пушкиным фрагментов из *Опыта...* Шатобриана не был к ней приложен. Позже статья по автографу, полностью, с включением переведенных фрагментов, была опубликована Н. К. Козминым в *Неизданном Пушкине* (1922).

ре, несколько ранее в США вышла его книга о Достоевском. В советском литературоведении до середины 1980-х гг. его имя не упоминается.

¹ Комарович В. Л. К вопросу о жанре *Путешествия в Арзрум* // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. М.–Л., 1937. Вып. 3. С. 326–328.

² Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 161.

¹ Karlinsky S. Two Pushkin Studies: 1. Pushkin. Chateaubriand, and the Romantic Pose // California Slavic Studies. 1963, 2. P. 102.

В 1979 г. М. И. Гиллельсон, детально описав разнообразные внетекстовые связи пушкинской статьи, предпринял интересную попытку реконструкции ее недописанной части. Поставив задачу прочесть *Опыт об английской литературе* «глазами Пушкина»¹, исследователь в работе *Статья Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе “Потерянного рая”»* попытался определить, какие именно главы труда Шатобриана могли вызвать наибольшее внимание Пушкина-читателя. По мнению Гиллельсона, в *Опыте...* поэта преимущественно должен был привлечь социально-политический аспект.

В. А. Мильчина в статье *Пушкин и «Опыт об английской литературе» Шатобриана*, одоблив идею подобной реконструкции, пожелала ее продолжить. Как она полагает, поэт в *Опыте...* не меньше интересовали и литературно-эстетические моменты (проблемы «художник и власть», «гений и его эпоха», «шекспировский миф», «условность театра Расина» и многое другое). Акцентируя особую актуальность для Пушкина в 1836 г. коллизии «поэт и власть», исследовательница обращает внимание на тот примечательный факт, что единственная закладка в пушкинском экземпляре *Опыта...* относится к тем страницам книги, где речь идет о злосчастной судьбе английского поэта Драйдена, подвергавшегося суровым преследованиям со стороны герцога Букингемского. Однако в своей статье Мильчина рассматривает лишь этот аспект.

Таким образом, хотя подход всякий раз был узко конкретным (изучался либо один период, либо одно произведение), в целом в изучении творческой связи «Пушкин — Шатобриан» достигнуты весьма значительные позитивные результаты. Однако последовательный анализ непрерывно меняющейся пушкинской рецепции Шатобриана, с учетом объективной значимости всех периодов, до сих пор не был предложен, то есть нет и целостной концепции пушкинского шатобрианства.

Как уже отмечалось, сложная диалектика восприятия Пушкиным Шатобриана, включавшая неожиданные повороты, споры с «самим собой», *возвраты* к ранним оценкам, составила в целом весьма причудливую линию. Как это ни парадоксально, структурно значимым оказался *начальный* период: восприятие Шатобриана Пушкиным-лицеистом. Фактически, в конце жизни именно к подобной рецепции, но на ином, высшем уровне, возвратится зрелый писатель. Исходный этап характеризовался почтительно-восхищенным отношением юного поэта к признанному мэтру. Такая позиция была вполне закономерна. Прежде всего, именно так относились к Шатобриану люди пушкинского окружения: «арзамасцы», карамзинисты, старшие друзья. Естественно, в начале 1810-х гг. Пушкин разделял и всеобщее восхищение политической ролью Шатобриана — его смелой оппозицией всемогущему Бонапарту (подсчитывая впоследствии все случаи его оппозиции к властям, поэт никогда не забывал об этой — самой ранней). Можно предположить, учитывая упоминания Шатобриана в *Евгении Онегине*,

что немаловажными для молодого поэта были и восторги русской читательской аудитории по поводу новаторского «руссоизма» и *волебно-стиля* Шатобриана-художника.

Первый поворот в сторону критической переоценки совершается в годы южной ссылки: отношение Пушкина к Шатобриану претерпевает существенное изменение. Ему в это время решительно чужды не только религиозно-политические взгляды француза, его дипломатическая деятельность, но и его художественная практика (особенно неприемлем для Пушкина его стиль). Сдержанно-ироническое отношение, однако, отнюдь не мешает Пушкину внимательно следить за творчеством француза: он знает и речи Шатобриана в Палате, и его путевые очерки, и его художественные тексты, чему свидетельство, например, примечания Пушкина к собственным произведениям. Так, он исправляет в белом автографе *Элегии Овидию* (1821) неточность, допущенную Шатобрианом в *Мучениках*: «Овидий провел 9 лет в своем изгнании, а не 20, как говорит Шатобриан» (II, 728), или упоминает примечание к шестой главе третьей книги *Гения христианства* (1802) как важный источник сведений об А. Шенье «Долго славу его составляло неск.<олько> сл.<ов> сказан.<ных> о н.<ем> Шатобр.<ианом>» (II, I, 953).

Новый поворот начинается в последекабристский период конца двадцатых годов. Важен тот факт, что меняется не только Пушкин, но и Шатобриан. После 1824 г. француз из-за свойственного ему всю жизнь пристрастия к свободе печати неожиданно для самого себя снова оказывается в оппозиции, на этот раз к законному королю, Карлу X. Убежденного легитимиста стали шутливо величать «либералом». Такая позиция и вообще некоторая либерализация взглядов Шатобриана, видимо, импонируют Пушкину, который сам, как известно, претерпевает в это время сложную эволюцию; отказываясь от крайностей либерализма, он мучительно переосмысляет опыт декабристов. Оба писателя как бы движутся навстречу друг другу, начинается, условно говоря, курс на сближение. Когда Шатобриан в третий раз оказывается в оппозиции, вполне для него закономерной, — к «незаконному» королю, Филиппу Орлеанскому (Пушкин презрительно называл его «король с зонтиком»), поэт с восхищением пишет 21/VIII 1830 г. из Москвы Е. М. Хитрово: «Мне до смерти хочется прочесть речь Шатобриана в защиту прав герцога Бордосского. Он еще раз блеснул. Во всяком случае он снова попал в оппозицию» (XIV, 415).

В этот период в сознании поэта как бы идет медленная подспудная работа по переоценке творчества Шатобриана, главным образом, — публицистики и критико-эстетических работ, но в какой-то мере и его художественных произведений. Однако ироническое отношение прорывается иногда и теперь. Так, в незаконченном черновом наброске рецензии *«Путешествие к св. местам» А. Н. Муравьева* (1832) Пушкин не без легкой иронии вскользь упоминает о специфике «неомифологизма» французского писателя: «...он (А. Н. Муравьев. — Л. В.) не старается, как Ш.<атобриан>, воспользоваться противоположной <мифологией> Библии и Одиссеи» (XII, 217).

¹ Гиллельсон М. И. Статья Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе “Потерянного рая”» // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 231.

Поэт начинает испытывать все больший интерес как к взглядам, так и к творчеству Шатобриана, и, что важно, впервые у русского поэта возникает ощущение человеческой близости с французским писателем, общности их судеб. Примечательный факт: в разгар журнальной полемики с Булгариным в начале 30-х гг. поэт уже готов взять Шатобриана в союзники. Он дважды цитирует ядовитую фразу француза: «Они оскорбляют, но не дерутся» — «ils outragent, mais ne se battent pas» (*Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений*, XI, 168; *Опровержение на критики*, XI, 194).

Характерно, что теперь к критическим замечаниям в адрес Шатобриана подчас примешивается скрытая похвала. Например. Пушкину всегда было близко преломление Шатобрианом руссоистской антитезы «природа-цивилизация» как противопоставление гармонической природы дисгармонии человеческих страстей (*Кавказский пленник*, *Цыганы*). Однако теперь, критикуя Шатобриана за руссоистскую идеализацию «дикаря», он не упускает возможности отдать должное богатству его воображения: «...Шатобриан и Купер оба представили нам индийцев с их поэтической стороны, и закрасили истину красками своего воображения» (*Джон Теннер*, XII, 105).

В середине тридцатых годов имя Шатобриана все чаще упоминается Пушкиным в комплиментарном контексте. Стремясь доказать, что в Европе организаторами журналов, в отличие от России, становятся лишь крупные личности, при перечислении имен известных французских журналистов, первым он называет Шатобриана (*Обозрение обозрений*, XI, 194). Способность по заслугам оценить Шатобриана теперь становится в глазах поэта своеобразным эталоном художественного вкуса. То, что французский народ гордится Шатобрианом, — одно из свидетельств, опровергающих, по мнению Пушкина, антифранцузские нападки М. Е. Лобанова: «Народ <...> который и ныне гордится Шатобрианом...» (XII, 69). Знаменательно, что Шатобриан назван в ряду знаменитых имен, среди которых упоминаются католические писатели (Фенелон, Боссюэ, Паскаль, Балланш). Здесь же идет речь о том, что французский «народ <...> оказывает столь сильное религиозное стремление <...> так торжественно отрекается от жалких скептических умствований минувшего столетия...» (XII, 9).

Известно, что в тридцатые годы заметно меняется отношение Пушкина к религии. Все более актуализируется убеждение поэта, что религия — важная часть духовной культуры человечества. Видимо, такая переоценка происходит не без воздействия Шатобриана. Совсем «по-шатобриановски», он пишет в статье *О ничтожестве литературы русской* (1834) о религии как о «вечном источнике поэзии у всех народов» (XII, 78).

Однако качественный перелом в отношении поэта к Шатобриану падает на самый трагический — последний — год его жизни. С этой точки зрения пушкинская статья *О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»* (XII, 137–145) исключительно значима. Для нас важны не столько ее общие достоинства (интеллектуализм, насыщенность мыслью, концепция литературного перевода, роли критики, и многое другое), сколько тот факт, что, по капризу

судьбы, независимо от воли самого Пушкина, она как бы придала законченность рецепции и стала своеобразным завершающим аккордом изучаемой нами темы.

В работах Гиллельсона и Мильчиной речь идет, главным образом, об *Опыте английской литературы* Шатобриана. Ученых заинтересовали прежде всего моменты типологической общности, по удачному определению Мильчиной, «точки согласия», «точки притяжения», сближающие двух художников-мыслителей, в доказательство чего оба исследователя приводят обширные цитаты из *Опыта*... Сама пушкинская статья при таком подходе как бы несколько отошла на второй план.

А между тем в ней впервые появляется качественно новая оценка Шатобриана, как писателя необычайно крупного масштаба, не замыкающегося в рамках узко-национальной ориентации. Примечательно, что Шатобриан противопоставлен Пушкиным современной французской литературе, прежде всего романтической. Поэт считает, что французы «пренебрегали словесностию своих соседей», самоуверенно почитая себя непогрешимыми менторами. Пушкин чрезвычайно раздражен тем, как представлен Мильтон на страницах драмы Гюго *Кромвель* и романа Виньи *Сен-Мар*, каким нелепым болтуном, а иногда и шутком писатели разрешили себе изобразить великого человека. Автор *Опыта*..., напротив, на взгляд Пушкина, сумел отдать должное английскому поэту: «Перевод, изданный Шатобрианом, заглаживает до некоторой степени прегрешения молодых французских писателей, так невинно, но так жестоко оскорбивших великую тень». Многолетнюю изнурительную работу Шатобриана над *Потерянным раем* («труд тяжелый и неблагодарный») Пушкин оценивает как истинный переводческий подвиг (отмечая при этом слабости шатобриановской позиции «дословного перевода»).

Пушкин принимает теперь Шатобриана целиком как творца, мыслителя, выдающуюся личность. По мнению Пушкина, Мильтон и Шатобриан — в какой-то степени гении одного ряда. Трижды он величает Шатобриана «первым» из современных французских писателей. Поэт высоко оценивает теперь и его художественные произведения: два тома *Опыта*... — «столь же блестящие, как и все прежние его произведения <...> несомненные красоты, страницы, достойные лучших времен великого писателя».

Пушкин видит отдельные слабости шатобриановского эссе (например, недостаточное знание автором английской литературы), но это, в его глазах, мало что меняет. В *Опыте*... ему интересны не столько английская словесность и даже, как нам представляется, не социальные и эстетические взгляды француза, сколько сам автор, неповторимая личность, проглядывающая в каждой строке: «Много искренности, много сердечного красноречия, много простодушия (иногда детского, но всегда привлекательного) в сих отрывках, чуждых истории английской литературы, но которые и составляют истинное достоинство *Опыта*...».

Когда-то Пушкин решительно не принимал стилиевой манеры à la Шатобриан, но на этот раз — большая разница — речь идет о стиле эстетико-публицисти-

ческих эссе. Теперь ему крайне импонирует стилевая манера Шатобриана: «быстрое и широкое изображение различных эпох»¹. Этот способ воссоздания эпох близок ему самому. В таком духе он создавал картины нравов уже в ранней прозе (например, картины французской жизни времен Регентства в *Арапе Петра Великого*). Заметим, что предуведомление к *Опыту*... Шатобриан завершает словами о необычности своего эссе. Выделяя в нем сильное личностное начало, он подчеркивает широту собственных интересов и высоко им ценимую внутреннюю свободу: «Я брожу там и сям. Когда я встречаю Средние века, я говорю о них; когда наталкиваюсь на Реформацию, я останавливаюсь на ней. Если какой-нибудь английский роялист брошен в тюрьму, я вспоминаю свою камеру <...>; Лорд Байрон мне напоминает собственную ссылку в Англию...»². Чрезвычайно важен сейчас для Пушкина и тот факт, что мысль Шатобриана принципиально не политизирована. В переведенном им фрагменте *узловые слова*: «...мир настоящий <...> чуждый обществу политическому».

Пушкина издавна волновала коллизия «поэт и власть». Еще в начале двадцатых годов тени знаменитых писателей-изгнанников и мучеников населяли мир ссыльного поэта. Он всегда с восхищением писал о творцах, отстаивающих свою независимость, свое достоинство перед властью предрержащими. Овидий, навлекший на себя гнев Августа, Андре Шенье, не склонившийся перед якобинцами, Жермен де Сталь, решившаяся противостоять Наполеону, Лабрюйер и Лафонтен, не пожелавшие воспевать Людовика XIV, Вуатюр, навлекший на себя неудовольствие властей, преследуемый якобинцами Шамфор — все эти независимые творцы вызвали сочувствие поэта с юных лет.

Это — не только общеромантический интерес к непонятой и преследуемой личности, чаще всего творческой, но и внимание к ситуациям, близким самому Пушкину. Теперь с этой точки зрения оценивается и Мильтон. Скрытая аналогия прозрачна: «Не мог быть посмешищем развратного Рочестера и придворных шутов тот, кто в *злые дни*, *жертва злых языков* (курсив Пушкина. — Л. В.). В бедности, в гонении и в слепоте сохранил непреклонность души и продиктовал *Потерянный рай*». Заметим в скобках, что и сам Шатобриан в *Опыте*... во многом судьбу Мильтона воспринимает через призму собственной участи: «Я сражался с Наполеоном, он атаковал королей <...>; теперь, когда в наших двух странах монархия клонится к упадку, нам, Мильтону и мне, больше нечего делать в мире политики...»³.

Шатобриан, вызвавший когда-то гнев Наполеона, с фатальным постоянством оказывавшийся в оппозиции к властям, естественно и органично попадает в ряд писателей, вызывавших своей независимостью восхищение Пушкина: «Тот, кто, поторговавшись немного с самим собой, мог спокойно пользоваться щедротами нового правительства, властью, почестями и богатством, предпочел им честную бедность».

Существенное значение для структуры пушкинской статьи имеет своеобразный «минус прием», незримое присутствие скрытого звена, ее автора. Триада очерчена четко: Мильтон, Шатобриан, Пушкин. Не случайно в строках о трагической судьбе Мильтона возникает мотив «злых дней», «злых языков», а во фрагменте о Шатобриане — тема «*продажной рукописи*», столь важной жизненной реалии для русского поэта: «Уклонившись от палаты перов, где долго раздавался красноречивый его голос, Шатобриан приходит в книжную лавку с *продажной рукописью* (курсив мой. — Л. В.), но неподкупной совестью».

Гибель поэта неожиданно придала законченность всей линии его отношения к Шатобриану, подсветила ее трагическим смыслом. Прерванная смертью статья Пушкина о переводе Шатобрианом *Потерянного рая* Мильтона стала как бы своеобразным финалом житнетворческого сюжета. В память врезалась выгравированная, как на медали, заключительная итоговая оценка Пушкиным Шатобриана: «Первый из современных французских писателей, учитель всего пишущего поколения».

¹ Мильчина В. А. Пушкин и *Опыт об английской литературе* Шатобриана // Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 1995. Т. 15. С. 145. Напомним характеристику стилевой манеры Шатобриана, данную Мильчиной: скопление разнородных фактов. «пунктирное» обозначение основных вех, синхронные срезы больших временных пластов, все, увиденное как бы с «птичьего полета».

² *Chateaubriand. Oeuvres illustrées*. Paris, 1853. P. 3. (Перевод мой. — Л. В.)

³ *Ibid.* P. 112.